

**University of
Zurich**^{UZH}

**Zurich Open Repository and
Archive**

University of Zurich
University Library
Strickhofstrasse 39
CH-8057 Zurich
www.zora.uzh.ch

Year: 2017

Russkie formalisty kak naučnoe soobščestvo

Glanc, Tomáš ; Pil'sčikov, Igor'

Posted at the Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich
ZORA URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-137770>
Book Section

Originally published at:

Glanc, Tomáš; Pil'sčikov, Igor' (2017). Russkie formalisty kak naučnoe soobščestvo. In: Pil'sčikov, Igor'; Levčenko, Jan. «Épocha ostraneniya»: Russkij formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 87-100.

ЭПОХА «ОСТРАНЕНИЯ»

РУССКИЙ ФОРМАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Москва
Новое литературное обозрение
2017

- Obermayr B. 572
 Ocvirk A. 176, 183
 Oever A. van den 54, 70, 201, 204
 O'Hear A. 67, 70
 Olin M. 404, 410
 Ortwin O. 144, 152
 Ourjountseva E. 197, 204
 Paperno I. 592, 594
 Pavlović M. 179, 180
 Pétris M. 203
 Pogodin F. 390, 397
 Polák M. M. Z. 172, 173
 Popa V. 179, 181
 Pospíšilová A. 170, 172, 173, 175
 Pozner V. 195, 204
 Putrament J. 149, 152, 159
 Rasch W. 58, 70
 Raevsky-Hughes O. 242
 Regnard L. 315, 323
 Richards I. A. 178
 Richer P. 315, 324
 Riemann R. 103, 113
 Righter W. 49, 53
 Robel A. 203
 Robinson D. 63, 70, 201, 204
 Romand D. 104, 108
 Rosenberg R. 124, 131
 Rowell M. 633
 Salter M. G. 56, 70
 Saunders M. 244, 250
 Schaper B. 132
 Scheurman W. E. 58, 70
 Schmid H. 117, 132, 169, 170, 175
 Schmitz W. 124, 127, 128, 132
 Schneider N. 111, 113
 Schulz C. 103, 114
 Sebillat T. 520
 Sedlák J. V. 168, 175
 Seuffert B. 103, 107, 114
 Shapovaloff L. 423, 430, 598, 610
 Shepherd D. 601, 607, 610
 Skwarczyńska S. 157
 Slezkine Yu. 407, 410
 Spitzer L. 520
 Stahl-Schweaetzer H. 241, 242
 Strano G. 246, 250
 Subhalter A. 635
 Sus O. 171, 175
 Svoboda K. 170, 172–175
 Svozilová N. 168, 175
 Švantner M. 174
 Szitár K. 450, 456
 Tarski A. 157
 Tate A. 178
 Tchouboukov-Pianca F. 51, 53
 Thiel D. 160, 164
 Trautmann-Waller C. 104, 114
 Tuwim J. 159, 164
 Umland A. 635
 Václavěk B. 168
 Vantsiphout H. L. J. 18, 20
 Varga ě. 456
 Vargyas L. 450, 456
 Vasold G. 404, 411
 Váša O. 174
 Veyne P. 166, 175
 Vilček B. 450, 455
 Vroon R. 542
 Wandrey C. 161
 Waugh L. 104, 113
 Weliek R. 155, 164, 168, 170, 173, 175
 Weingart M. 168, 173, 175
 Weisstein U. 34, 40
 Witte G. 572
 Whitney D. 104, 114
 Womack K. 105, 112
 Wood C. 405, 411
 Wye D. 633
 Zach R. 135, 141
 Zonina M. 203

СОДЕРЖАНИЕ

Ян Левченко, Игорь Пильщиков Вместо предисловия	5
1. Век формалистической теории: актуальность архива	
Вяч. Вс. Иванов Формальная система и ее интерпретация в науке XX–XXI веков	13
Оге А. Ханзен-Лёве Перспективы русского формализма: логоцентризм вчера и сегодня	21
Игорь П. Смирнов Не-искусство в эстетической теории формалистов	41
Питер Стейнер Искусство, право и наука в модернистском ключе: Шкловский, Шмитт, Поппер (Авторизованный перевод с английского И. Пильщикова)	54
Сергей Зенкин Энергетические интуиции русского формализма	71
Томаш Глани, Игорь Пильщиков Русские формалисты как научное сообщество	85
2. Русский формализм в европейском интеллектуальном контексте	
Сергей Чугунников Прологомены к сравнительному анализу русского и немецкоязычного формализмов	103
Екатерина Дмитриева «Точно <ли> немцы от нас отстали?» Оскар Вальцель и Виктор Жирмунский (эпизод из истории русско-немецких научных связей)	115
Владимир Губайловский Формализм Гильберта и русский формализм. «Формальный» поворот	133
Данута Улицка Польское модернистское литературоведение: кружки и школы	142
Michał Mrugalski The Polish Reception of Reception: The Transfer of <i>priem</i> within the Intellectual Morphic Field of Russian and Polish Formalisms	153
Michal Kříž From Isolation to Concentration: The Archeology of the Relationship between Russian Formalism and Czech Structuralism in Polemics and Discussions	165

<i>Aleksandar Petrov</i> How Russian Formalism Conquered Serbia	176
<i>Стефано Гардзонио</i> Виктор Шкловский и Джованни Боккаччо: об истории одной малоизвестной статьи Шкловского	185
<i>Катрин Депретто</i> Идеи Шкловского во Франции: перевод и восприятие (1965–2011)	194
3. Русские формалисты и наследие Андрея Белого	
<i>Дина Магомедова</i> Теория символа в трудах В. М. Жирмунского: между Андреем Белым и Вяч. Ивановым	207
<i>Владимир Новиков</i> Поэзия и личность Александра Блока в трактовке Андрея Белого и русских формалистов	216
<i>Моника Спивак</i> «Воскрешение слова» у Виктора Шкловского и Андрея Белого	225
<i>Михаил Одесский</i> Архаисты и новаторы в теоретических концепциях Юрия Тынянова и Андрея Белого	235
<i>Клаудиа Кривеллер</i> Русский формализм и экспериментальная автобиографическая проза Андрея Белого	243
<i>Юрий Орлицкий</i> «Эстетика как точная наука». Статьи А. Белого 1900-х годов о русском стихе и развитие их идей в русском стиховедении XX — начала XXI века	251
<i>Дмитрий Торшилов</i> Андрей Белый о формализме и поэтике пантомимы в начале 1920-х годов	261
<i>Роберт Бёрд</i> Противостояние формализму от символизма к соцреализму: Павел Медведев, Андрей Белый и Борис Пастернак на рубеже 1930-х годов	276
4. Формализм как авангард/авангард как формализм	
<i>Ольга Буренина-Петрова</i> Традиции игрового народного театра и энергетический потенциал искусства в театральной практике Всеволода Мейерхольда	287
<i>Синьити Мурата, Ирина Шатова</i> Идеи формализма и русский авангардный театр первой трети XX века	297
<i>Николетта Мислер</i> Формальная система и «deviance» при создании алфавита тела	307

<i>Денис Иоффе</i> Прагматика формализма: к вопросу о «приеме остранения» и преодоления инерции автоматизма в русском авангарде	325
<i>Лада Панова</i> Русские формалисты и наука об авангарде: истоки «солидарного чтения»	333
<i>Дмитрий Токарев</i> «Реальное искусство» Даниила Хармса и формальный метод	345
<i>Михаил Мейлах</i> «Поэзия и живопись»: случай обэриутов	361
5. Формалистическое искусствознание	
<i>Джон Э. Боулт</i> Василий Кандинский и формальный метод	385
<i>Марина Дмитриева</i> Формальный метод в искусствознании и междисциплинарные границы (Генрих Вёльфлин — Йозеф Стржиговский — Федор Шмит)	398
<i>Наталья Злыднева</i> «Жест» и «фактура» А. Г. Габричевского в зеркале живописи поставангарда	412
6. Формалистическая фольклористика	
<i>Татьяна Иванова</i> «Формальная школа» и фольклористика в стенах Российского института истории искусств	423
<i>Светлана Сорокина</i> Идеи формальной школы и концепция фольклорного театра П. Г. Богатырева	431
<i>Екатерина Вельмезова</i> П. Богатырев vs Ф. де Соссюр (О проблемах «формального» определения синхронии в лингвистике и в исследованиях фольклора)	439
<i>Ангелика Молнар</i> Рецепция работ В. Я. Проппа в современной венгерской фольклористике	449
7. Формалисты как таковые и в сопоставлении	
<i>Лидия Сазонова, Михаил Робинсон</i> Ранний Эйхенбаум: на пути к формализму	459
<i>Елена Капинос</i> «Формы времени» и концепция истории (от С. Л. Франка к Б. М. Эйхенбауму и Ю. Н. Тынянову)	471

Евгения Иванова	
Чуковский и формалисты.....	480
Олег Федотов	
Отзвуки формализма в метапоэтике Владимира Набокова.....	487
Александр Галкин	
Ю. Н. Тынянов и С. Н. Дурылин: потаенный пушкинский диалог	497
Ирина Попова	
Бахтин и формалисты: об одном незамеченном случае сближения.....	505
Елена Пенская	
Ландшафты антиформалистской кампании 1930-х годов. «Случай Слонимского».....	521
8. Стих и проза: формальная поэтика	
Виллем Г. Вестстейн	
Обнажение приема у Хлебникова	535
Т. М. Николаева	
Виктор Шкловский — Лев Толстой — Марсель Пруст	543
Микела Вендитти	
Анализ прозы у формалистов и гахновцев.....	562
Джузеппина Ларокка	
Теория прозы в 1920-е годы: Л. В. Пумпянский и «формалисты»	573
Эрик Мартин	
О поэтике ресурсов в «Смерти Вазир-Мухтара»	587
Ян Левченко	
Камень продолжает падать. О жанровой динамике Виктора Шкловского по возвращении из эмиграции	595
Елена Трубецкова	
«Ракетка и глаз, заброшенный в пространство»: визуальные коды русского формализма в новеллах Сигизмунда Кржижановского	611
Федор Двинятин	
Распределение основных морфологических классов в русском поэтическом тексте.....	622
Список иллюстраций.....	633
Сведения об авторах	636
Указатель имен.....	646

ЭПОХА «ОСТРАНЕНИЯ» РУССКИЙ ФОРМАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Дизайнер

Е. Поликашин

Редакторы

И. Пильщиков, Я. Левченко

Корректор

С. Крючкова

Компьютерная верстка

Д. Макаровский

Налоговая льгота —

общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:

123104, Москва,

Тверской бульвар, 13, стр. 1

тел./факс: (495) 229-91-03

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1

Офсетная печать. Печ. л. 42. Тираж 1500. Заказ № 8681/17

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Библиография

- Горных А. А. Формализм. Минск, 2003.
- Зенкин С. Вещь, форма и энергия (Русские формалисты и Дюркгейм) // Зенкин С. Работы о теории. М., 2012. С. 325–337.
- Оствальд В. Философия природы. СПб., 1903 (оригинальное издание — 1901).
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Светликова И. Ю. Истоки русского формализма. М., 2005.
- Томашевский Б. Формальный метод // Современная литература: Сборник статей. Л., 1925.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. М., 2002.
- Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002.
- Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа острашения. М., 2001.
- Чудакова М. О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 103–131.
- Шкловский В. Теория прозы. М., 1929.
- Шкловский В. Б. Избранное. М., 1983. Т. 2.
- Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987.
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
- Ямпольский М. Демон и лабиринт. М., 1996.
- Ямпольский М. История культуры как история духа и естественная история // НЛО. 2003. № 59. С. 22–89.
- Durkheim É. Les Formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1998.
- Finer E. Turning into Sterne: Viktor Shklovskii and Literary Reception. Oxford, 2010.

Томаш Гланц, Игорь Пильщиков

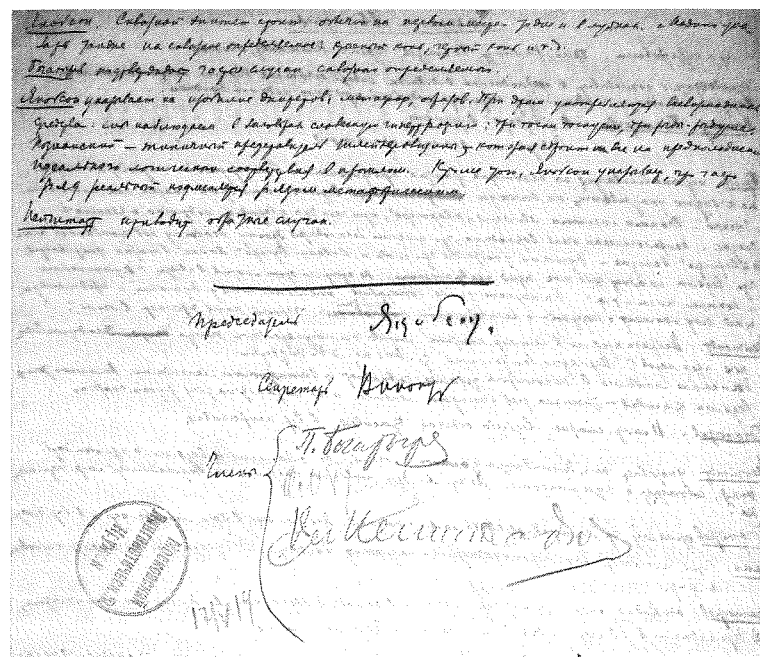
РУССКИЕ ФОРМАЛИСТЫ КАК НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО¹

1

С историко-научной точки зрения русский формализм представляет собой радикальную попытку создания теории и истории литературы как автономной научной дисциплины. С историко-социальной точки зрения важно, что эту попытку предприняли в середине 1910-х годов молодые литературоведы, лингвисты и фольклористы, объединившиеся в две полуформальные группы — петроградское Общество по изучению поэтического языка (Опояз) и Московский лингвистический кружок (МЛК). Отношения между участниками обоих объединений были непростыми. С одной стороны, многие члены МЛК были участниками Опояза, et vice versa. С другой стороны, как, заостряя, писал о петроградских и московских формалистах М. Л. Гаспаров, «они работали в настолько противоположных направлениях, что почти не замечали друг друга, лишь мимоходом отпуская колкости» [Гаспаров, 1990: 14].

Можно было бы возразить, что работали они по-разному, но на общем, совместно возводимом ими фундаменте теоретической и лингвистической поэтики, поэтому сходств между петроградцами и москвичами, пожалуй, не меньше, чем различий. Положений, в той или иной степени общих для всех формалистов, можно насчитать по меньшей мере шесть, ср. [Пильщиков, 2015: 320]. Это 1) противопоставление поэтического (художественного) и практического (общеупотребительного) языка; 2) представление о словесном искусстве как деформации обыденного языка; 3) представление о том, что в искусстве «как?» и «зачем?» важнее, чем «что?» и «почему?»; 4) требование имманентного изучения литературы: она должна изучаться как самостоятельное явление, а не как результат действия каких-либо внелитературных механизмов — например, социальных отношений (как в марксизме) или психических комплексов (как во фрейдизме). К этим фундаментальным постулатам следует добавить 5) установку на сближение лингвистики и литературоведения и, наконец, 6) стремление превратить изучение литературы в строгую науку.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-04-00160а) и агентства ЕТАg (PUT634).

Протокол заседания Московского лингвистического кружка 25 апреля 1919 года (фрагмент). Подписан 17 мая 1919 года. Подписи: «Председатель: Яковсон. Секретарь: Винокур. Члены: П. Богатырев, О. М. Брик, Вл. Нейштадт». Печать МЛК (Архив ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 2.П. № 4)

Опояз начал свою деятельность выпуском двух сборников в 1916–1917 годах (первое программное выступление Шкловского относится к 1914 году), а как официально зарегистрированная организация существовал с 1919 по 1922 год [Тынянов, 1977: 504–507; Галушкин, 2000: 136]. По воспоминаниям Р. О. Яковсона, окончательное решение о создании общества было принято в феврале 1917 года на квартире у О. М. Брика в присутствии самого Брика, Яковсона, В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума и лингвиста Л. П. Якубинского [Jakobson, 1971: 529–530]. Впоследствии, однако, опоязовский «триумvirат» составили Шкловский, Эйхенбаум и Ю. Н. Тынянов, присоединившийся к Опоязу в 1919 или 1920 году.

МЛК был создан в 1915 году и просуществовал до 1924 года. Первым председателем МЛК был избран Яковсон. Этот пост он занимал вплоть до своего отъезда из России в 1920 году. Затем обязанности председателя исполняли другие лингвисты: с конца января по сентябрь 1920 года — М. Н. Петерсон, до октября 1922 года — однокурсник

Яковсона по Московскому университету А. А. Буслаев², до марта 1923 года — Г. О. Винокур, до ноября 1924 года — Н. Ф. Яковлев. Одним из членов-учредителей МЛК был этнограф и фольклорист П. Г. Богатырев. Действительными членами МЛК были поэт и стиховед С. П. Бобров, филологи Б. В. Горнунг и Р. О. Шор, психолингвист Н. И. Жинкин, стиховед М. М. Кенигсберг, лингвист и переводчик А. И. Ромм (старший брат кинорежиссера М. И. Ромма), фольклорист Ю. М. Соколов, философ Г. Г. Шпет, медиевист и пропагандист «точного литературоведения» Б. И. Ярхо и другие ученые [Шапир, 2001(а); 2001(б)].

Лингвист Е. Д. Поливанов, стиховед и пушкинист Б. В. Томашевский, Брик и Яковсон были действительными членами и активными участниками обеих организаций — и МЛК, и Опояза. Кроме того, в МЛК были приняты петроградцы-опоязовцы С. И. Бернштейн, В. М. Жирмунский, Шкловский и Тынянов (из них в работе МЛК реально не участвовал лишь последний).

Сохранились уставы обоих объединений — устав Опояза (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 812; Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 727; Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 27) и устав МЛК в редакциях 1919 и 1922 годов (ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 10)³. Первый проект устава МЛК был подготовлен еще в конце 1914 года [Яковсон, 1996: 361].

Если Опояз, по выражению Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1927: 119–120], представлял, особенно на ранней стадии, «журнальную науку», то МЛК — академическую: его членами-учредителями были молодые филологи Московского университета, а устав был утвержден академиком-секретарем Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук А. А. Шахматовым. Кружок начал функционировать как объединение молодых филологов при Диалектологической комиссии Академии наук, а с осени 1918 года стал юридическим лицом (с официальной печатью), был включен в сеть Главнауки Наркомпроса и получал дотации из государственного бюджета вплоть до 1 января 1923 года [Яковсон, 1996: 361–363]. Правда, и «Опояз после Октябрьской революции получил штамп, печать и был зарегистрирован как научное общество» [Шкловский, 1966: 127]: в декабре 1919 года — органами НКВД, а в 1920-м — Литотделом Наркомпроса. Однако уже в декабре 1921 года Опояз не прошел очередную регистрацию в Отделе Управления Петросовета, а спустя три месяца бывший эсер Шкловский бежал за границу по льду Финского залива. «Таким образом, деятельность Опояза в качестве легального научного общества была в начале 1922 года приостановлена и продолжалась в виде частных собеседований» [Галушкин, 2000: 136].

² Правнук академика Ф. И. Буслаева. Не очень широко известны его имя и отчество (Алексей Александрович) и годы жизни (1897–1965).

³ Редакция 1919 года опубликована: [Баранкова, 1999: 376–378].

МЛК, особенно на последней стадии своего существования, не был гомогенен. В начале 1920-х годов молодые феноменологи (Буслаев, Горнунг, Жинкин, Кенигсберг), собравшиеся в МЛК вокруг крупнейшего русского гуссерлианца — Г. Г. Шпета, противопоставили себя эмпирикам-позитивистам, доминировавшим в Кружке при Якобсоне (Боброву, Брику, Томашевскому, Ярхо). В противовес последним феноменологи стремились построить поэтику не на базе фонетики или фонологии, а на базе семасиологии (семантики), исходя из того, что язык представляет из себя прежде всего знаковое, семиотическое явление [Шапир, 1994: 75–83]. Формалисты-эмпирики мыслили поэтику как раздел лингвистики, формалисты-феноменологи — как раздел семиотики. «Партийное» размежевание углубило внутренние методологические противоречия. Вот как позднее писал об этом Якобсон:

В бурных дебатах о лингвистических основах (linguistic essentials) — о феноменологии языка и строго эмпирическом подходе; о месте фонетики и семантики в науке о языке; о проблеме гумбольдтовской внутренней формы; о критериях разграничения поэтического и обыденного языка; или, наконец, об отношениях между языком и культурой — московская группа утратила былое единство целей и принципов... и летом 1924 года, на десятом году своего существования, [МЛК] формально распался [Jakobson, 1971: 532 (перевод наш)].

Хотя в 1920-е годы дихотомия лингвистического и общесемиотического подходов привела к распаду МЛК, Якобсон в своих позднейших работах сумел синтезировать некогда альтернативные методологические установки. В 1926 году Якобсон стал соучредителем Пражского лингвистического кружка (Pražský lingvistický kroužek), созданного и названного по образцу Московского. С этого момента началось победное шествие формализма и структурализма по Европе и Америке (чему способствовал последующий отъезд Якобсона в США).

Анализируя типологию научных объединений, Вяч. Вс. Иванов противопоставил социально успешный проект Пражского кружка вынужденному герметизму его московского предшественника:

Необходимым условием плодотворности периодических встреч научной группы, участники которой обычно (вне этих встреч) пространственно разобщены, является предварительное размножение обширных письменных тезисов основных выступлений. <...> Необходимость такой фиксации результатов работы... для обеспечения помехоустойчивой передачи научной информации становится очевидной при сравнении широко известных изданий Пражского лингвистического кружка с теми чрезвычайно важными для истории современной лингвистики опытами, которые предшествовали работе этого кружка,

но по типографским условиям того времени не были зафиксированы в печати, недостаточно отражены и в архивных рукописных материалах и в настоящее время реконструируются лишь по неполным данным [Иванов, 1975: 4].

Вяч. Вс. Иванов развивает здесь наблюдения Якобсона, который писал о МЛК:

В связи с техническими трудностями того времени многое из его литературных заготовок долго ждало сдачи в печать и частью оказалось утрачено. Устная передача была главным путем распространения научной мысли молодого сотоварищества. В 1926 году организационная модель МЛК заодно с его научными планами и достижениями легла в основу новоучрежденного Пражского Лингвистического Кружка, существенно двинувшего вперед и широко развернувшего работу своего предтечи, с которым его связывал также ряд общих сотрудников, частью постоянных, частью кратковременных гостей. Интенсивная печатная деятельность и тесное личное общение с международным научным миром способствовало далекому распространению и обмену плодотворных идей в лингвистике, поэтике и сродных науках [Якобсон, 1996: 368; ср. Jakobson, 1971: 533–535].

Изучение русского формализма как научного сообщества, как генератора новых стратегий научного мышления и форм научного общения концентрирует наше внимание в первую очередь на самом феномене «кружка». Недаром в своей первой ретроспективной статье про МЛК [Jakobson, 1971] Якобсон нередко оставляет без перевода русское *kružok* и чешское *kroužek*. За прошедшее столетие формализм был в достаточной степени изучен как литературоведческая теория. В гораздо меньшей степени исследовано научное поведение формалистов, ср. [Левченко, 2012: 9 сл.].

Напомним слова Джонатана Каллера:

Теория литературы — это не бесплотный набор идей, а институционально организованная сила (a force in institutions). Теория существует в сообществах читателей и писателей как дискурсивная практика, неразрывно связанная с образовательными и культурными институтами [Culler, 1977: 121 (перевод наш)].

Такой подход к теории литературы не фокусируется на приемах, терминах, категориях и понятиях, предложенных и применявшихся авторами, так или иначе связанными с формальной школой. Исследование кружков как формы научной самоорганизации проливает свет на другие аспекты интеллектуальной истории формализма: формализм как коллективная практика теоретизирования, как

социально-политическая платформа, как установка на различные виды кооперации и сотрудничества, как групповая идентификация (и усилия по ее сохранению), как стратегии исключения и разграничения. Такой анализ не предусматривает специального внимания к биографическим связям между учеными, к их личной жизни и к истории создававшихся ими формальных и неформальных организаций. Вопрос о кружках в большей степени касается результатов коллективной деятельности и характеристики самого этого коллектива как особого сообщества, как социального явления. Сегодня формализм существует для нас в виде исходного набора и дальнейшего развития конкретных идей, концепций или целых теорий, разработанных конкретными исследователями-формалистами. Но можно было бы попытаться описать некоторые формалистические практики как деятельность объединений, то есть совокупность действий, процедур и результатов отдельных исследователей, которые, несмотря на все индивидуальные различия, создавали единое (пусть и гетерогенное) концептуальное поле, в котором ставятся (пусть и по-разному решаются) одни и те же практические вопросы и теоретические проблемы, ср. [Glanc, 2015].

Хотя общие теоретические установки выходят за рамки индивидуального авторства, они не обязательно предусматривают оформление в сообщество. С другой стороны, сообщество не всегда проходит фазу институционализации, подразумевающую переход от самоорганизующихся процессов и форм частной деятельности к организованным и управляемым формам, конституирующим институциональную идентичность. Как уже было сказано, в середине 1910-х годов формализм был институционализирован в форме двух кружков — Опояза и МЛК. Развивая типологию научных сообществ, намеченную Якобсоном и Ивановым, М. И. Шапир писал о Московском лингвистическом кружке, противопоставляя его Опоязу (и подчеркивая недооценку значения МЛК):

Это было едва ли не самое значительное объединение русских лингвистов и литературоведов — и по созвездиям выдающихся талантов, и по влиянию на развитие филологической мысли, и по не востребованному до сих пор научному потенциалу. Вклад кружка в лингвистику и поэтику XX в., не только отечественную, но и мировую, не сравним с каким бы то ни было другим. Но отсутствие своих печатных органов и издательской базы, недостаток авангардной броскости в организации научного быта, а также глубокие внутренние противоречия привели к тому, что символом русского «формализма» стал всемирно известный Опояз, тогда как основная работа по созданию новой филологии велась в недрах МЛК [Шапир, 2001(а): 457].

Слова «объединение», «база», «организация», использованные в характеристиках и определениях, предложенных М. И. Шапиром, обнаруживают тактический и стратегический потенциал институционализации. Подобным же образом механизмы канонизации («всемирно известный») выявляют первостепенную важность институции как неперемennого условия «внутреннего» конструирования собственной позиции и в то же время осуществление «внешнего» влияния.

Учреждение институции — один из наиболее действенных методов конструирования коллективной идентичности и ее утверждения в актах восприятия извне и самовосприятия. В статье «Теория „формального метода“» Эйхенбаум определяет «формалистов» через такой традиционный административный признак, как членство в объединении:

Под «формалистами» я разумею... только ту группу теоретиков, которая объединилась в «Обществе изучения поэтического языка» (Опояз) и с 1916 г. начала издавать свои сборники [Эйхенбаум, 1927: 116, примеч. 1].

Эта точка зрения предопределила позднейшее восприятие формализма, несмотря на все попытки Якобсона включить в историю формализма и Опояз, и МЛК, ср. [Depretto, 2008].

2

Значение организационной составляющей формалистического проекта выявляется при сопоставлении ее с такой характерной чертой формалистской авторефлексии, как отрицание самого факта, что формализм существует в качестве литературоведческого метода или направления литературоведческой мысли. Эйхенбаум, например, прямо утверждал, что формального метода не существует [Эйхенбаум, 1924: 3]. Аналогичные сомнения высказывал Жирмунский (1923). При этом если некоторые формалисты отрицали собственное существование, главные их критики подчеркивали общность позиций формалистов, тем самым объединяя их апофатически, через неприятие других (например, марксистских) методов. Если мы посмотрим на такие антиформалистические выступления, как статья Льва Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм», впервые опубликованная в 1923 году в «Правде» (26 июля, № 166) и затем вошедшая в его книгу «Литература и революция» (1923), двусмысленная философская апология формализма — книга Б. М. Энгельгардта «Формальный метод в истории литературы» (Л., 1927), статья Р. О. Шор «Формальный метод на Западе», опубликованная в гахновском сборнике «Ars poetica», который вызвал ярость у опоязовцев [Полилова, 2011], или

монография П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику» (Л., 1928), то мы увидим, что критика формализма фактически приводит к его канонизации «извне».

Заметим, что Медведев был исследователем и организатором науки, обладавшим значительным опытом создания рабочих групп и институций. В 1917 году он стал первым демократически избранным городским головой Витебска, а год спустя организовал витебский Народный (Пролетарский) университет и учредил при нем Общество свободной эстетики. Медведев стал одним из создателей проекта витебского Института гуманитарных наук и искусств и был избран председателем его оргкомитета. С 1920 года он становится одной из главных фигур витебского «круга» Бахтина. В 1923 году Медведев избран в Правление петроградского отделения Всероссийского союза писателей. Поскольку Медведев и марксисты, в том числе большевистские политики (Л. Троцкий, а затем Н. Бухарин), остро критиковали формалистов, можно говорить о негативной канонизации формализма. Критическая оценка говорит о воздействии, оказанном формалистами на современников, и *de facto* утверждает значимость этого воздействия.

Историки идей отмечают гетерогенный и «бриколажный» характер формализма. По замечанию С. Н. Зенкина, «русский „формальный метод“ отличался парадоксальной *неформализованностью* своего понятийного аппарата» [Зенкин, 2012: 305]. Но можно ли в таком случае описать формализм как сконструированное сообщество — если оно характеризуется неформализованностью, а сами формалисты оспаривают правомерность членства других формалистов в создаваемых ими совместно неформальных или полуформальных объединениях? На самом же деле беспрестанные утверждения об отсутствии единой базы создают условия для функционирования сообщества как «недействующего» или «непроизводящего» — в том смысле, какой вложен в заглавие статьи и книги Жан-Люка Нанси «*La Communauté désœuvrée*» (1983, 1986). Возможность рассмотрения формализма под этим углом зрения, который обсуждается в ответном эссе Мориса Бланшо «*La Communauté inavouable*» («Непроизносимое сообщество», 1983), сама по себе проблематична, судя по реакциям других философов на эту дискуссию — см., например, книгу Дж. Агамбена «*La comunità che viene*» («Грядущее сообщество», 1990). Однако главная мысль этих политизированных дебатов столь точно описывает опыт коллективной (само)идентификации в сообществах новейшего времени, включая сообщество формалистов, что следует воспроизвести ее здесь хотя бы для того, чтобы наметить пути для будущих исследований. По словам исследовательницы и переводчицы работ Нанси Е. В. Петровской,

в работах [Нанси] 1980-х гг. дается многосторонний анализ феномена «сообщества» (*communauté*), понимаемого не как органическая целокупность, но как сеть сингулярностей, выказанных друг другу на своих границах (сингулярность для Нанси — это не только отдельные индивиды, но и группы, сообщества, институты, дискурсы) [Петровская, 2001: 12].

Интерпретация сообщества как институциональной и дискурсивной траектории с недостижимым пунктом назначения может предложить подходящий интерпретативный аппарат для понимания таких проектов, как русский формализм.

Теории сообществ помогают ухватить ускользающую идентичность формализма, связывая литературоведческие тенденции с большими политическими и культурными проектами модернизма, в рамках которых получает особое значение сконструированное «мы». Такое «мы» конституирует основу высказывания, предполагая и создавая позиции, которые можно разделять (или не разделять). Действительно, в текстах формалистов самоидентификация время от времени реализуется грамматически: авторы высказывают свою точку зрения в первом лице множественного числа. Так, Эйхенбаум, который в своих статьях середины 1920-х годов берет слова «формалисты» и «формальный метод» в уничижительные кавычки, тем не менее начинает свою «Теорию „формального метода“» с уверенного «мы», причем это не условное «мы» научной речи:

Принципиальным для «формалистов» является вопрос не о методах изучения литературы, а литературе как *предмете* изучения. Ни о какой методологии мы, в сущности, не говорим и не спорим. Мы говорим и можем говорить только о некоторых теоретических принципах, подсказанных нам не той или другой готовой методологической или эстетической системой, а изучением конкретного материала в его специфических особенностях [Эйхенбаум, 1927: 116].

То же у Шкловского в «Третьей фабрике», где формализм — а точнее, Опояз — конструируется как единство:

Мы («Опояз») не трусы и не уступаем давлению ветра. Мы любим ветер революции [Шкловский, 1926: 17].

Что важно в формальном методе? <...> Важно то, что мы подошли к искусству производственно. Сказали о нем самом. Рассмотрели его не как отображение. Нашли специфические черты рода. Начали устанавливать основные тенденции формы [Там же: 64–65].

Между тем мы во всем ошибаемся, кроме одного — мы ремесленники, мы свои люди в мастерстве, и если захотим, то сами напишем книгу [Там же: 88].

При этом, говоря о «методе» и «школе», Шкловский легко переходит с «мы» на «я»:

Отличие школы «Опояза» от школы Александра Веселовского состоит в том, что Веселовский представляет себе литературную эволюцию, как незаметное накопление медленно изменяющихся явлений. <...>

Я полагаю, что сюжет развивается диалектически, отталкиваясь сам от себя и как бы самопародируясь. Если Веселовский иногда почти справедливо указывает на то, что определенный художественный прием мог появиться как бытовое переживание, то мне такое решение вопроса представляется недостаточным [Там же: 94].

Такого рода осцилляции симптоматичны для подвижных и трудно-уловимых границ, конституирующих сообщество формалистов.

Важнейшим аспектом функционирования формалистических кружков была осцилляция между существованием в качестве официальных структур и неформальной активностью энтузиастов, занятых своим «частным» делом. Впоследствии эту структуру «двойного бытия» воспроизвел Пражский лингвистический кружок, заседания которого нередко проходили в кафе или в пражских винных погребах. И для формалистических кружков, и для ПЛК были важны обе ипостаси — интенсивная совместная работа частных лиц, цементирующая творческий союз «изнутри», и официальный институциональный статус, консолидирующий научное сообщество и проецирующий его «вовне». Сами формы кружковой организации были достаточно необычны, чтобы не вписываться — по крайней мере, полностью — в существующие организационные структуры.

Еще до того, как Опояз и МЛК прекратили свое существование, работа участников объединений перекинулась в петроградский/ленинградский Государственный институт истории искусств (ГИИИ) и в московскую Государственную академию художественных наук (ГАХН). Ученики Тынянова и Эйхенбаума в ГИИИ (Л. Я. Гинзбург, Б. Я. Бухштаб и др.) известны под именем «младоформалистов». Учителя и ученики образовали уникальное сообщество, используя традиционную форму семинара, обеспечивающую межпоколенческую образовательную и научную коммуникацию. Л. Я. Гинзбург в своих воспоминаниях отмечает, что ее личный выбор собственного пути, на первый взгляд противоречащий упрощенному представлению о формалистическом наследии, в действительности свидетельствует о разнообразии позиций, которые конституировали это интеллектуальное движение:

Я начинала как ученица бывших опоязовцев. Но в основном я была ученицей Тынянова. Влияние Тынянова, да, вероятно, и собственные мои предрасположения привели к тому, что имманентное изучение литературы в чистом виде никогда меня не привлекало [Гинзбург, 1978: 195].

Важный аспект формалистических семинаров — их домашний, частный, неформальный характер (подробнее см.: [Устинов, 2001: § 2]). Та же Гинзбург отмечает, что для Эйхенбаума в 1920-е годы была «жива опоязовская традиция антиакадемичности» [Гинзбург, 1989: 356]. В 1924 году Эйхенбаум записал в дневнике:

Радует домашний семинарий — хорошая компания. Был очень недурной доклад А. Г. Бармина о каламбуре. Степанов, Бухштаб, Зильбер, Гуревнин, Гинзбург — все это хорошие силы [Гинзбург, 2002: 445].

Упомянутый в процитированной записи литературовед и писатель Вениамин Каверин (Зильбер) неоднократно подчеркивал обстановку «домашности» формалистических семинаров и особо отмечал семинар, уже не связанный непосредственно с ГИИИ:

Самый значительный семинар... состоялся, когда я уже закончил университет. Его устроили для своих учеников Б. М. Эйхенбаум и Ю. Н. Тынянов. Среди его участников были Б. Я. Бухштаб, Л. Я. Гинзбург, В. А. Гофман, Н. Л. Степанов. Пожалуй, можно назвать его «семинаром отбора»... [Каверин, 1977: 483].

...после окончания института самые способные из слушателей — Виктор Гофман, Н. Степанов, Б. Бухштаб, Л. Гинзбург и немногие другие — стали собираться на квартире Тынянова или Эйхенбаума и образовался семинар, так сказать, высшего типа... [Каверин, Новиков, 1988: 210].

Само существование таких семинаров свидетельствует о наличии определенных стратегий академической институализации русского формализма. Тем не менее, когда несколько лет спустя Пражский лингвистический кружок будет упрочивать свои позиции через организацию международных съездов и составление программных тезисов, рассчитанных на интернациональную аудиторию, русский формализм по ряду обстоятельств так и останется продуктом, ориентированным преимущественно на отечественный интеллектуальный рынок.

Русская формальная «школа» в узком смысле — семинар Эйхенбаума-Тынянова — осталась в тени не только из-за начавшейся вскоре антиформалистической идеологической кампании, но и исчерпанности самого куррикулума. Лидия Гинзбург вспоминала:

В 1922 году я стала ученицей Эйхенбаума. В Институте истории искусств не было регламентированной программы. Преподаватели читали о том, о чем сами в это время думали, над чем работали [Гинзбург, 1989: 355].

Потом, как это часто бывает, среди учеников начался разброд, в 1927 году семинар распался. «Нам больше нечему их учить», — говорил Борис Михайлович [Гинзбург, 2002: 445].

Возникшее неудовольствие было обоюдным: ученики были не согласны с учителями, учителя — с учениками. 31 марта 1929 года Тынянов писал Шкловскому:

Это поколение худосочное, мы оказались плохим питательным матерьялом, а они плохими едоками. Я уж давно отказался, напр., от редактирования сборников молодежи по современной литературе, т. ч. с ними не согласен [Шкловский, 1983: 27–28].

Идея межпоколенческой преемственности импонировала и ученикам, и учителям, но первые не были готовы к «полной и безусловной преданности» [Каверин, 1977: 483], а вторые — к толерантности и компромиссам, необходимым для процесса обучения.

Судя по всему, формализм не был готов к прижизненной самоканонизации. Первая попытка канонизации формализма силами бывшего участника движения произошла несколькими годами позже и за пределами России — в брненских лекциях Романа Якобсона, см. [Якобсон, 2011].

3

Еще одна характерная черта формалистических объединений — живая связь с современностью. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что в их работе принимали участие ведущие поэты своего времени: на заседаниях Опояза и МЛК регулярно присутствовал Маяковский, активным участником МЛК был Бобров, в 1921 году с докладом «Об анальной эротике в русской поэзии» в МЛК выступал Крученых (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19 об.), а в 1923 году членами МЛК стали Асеев, Мандельштам и Пастернак [Якобсон, 1996: 362]. Якобсон сделал современную поэзию объектом академического дискурса в монографии о Хлебникове («Новейшая русская поэзия», 1921). Аналогичные шаги он предпринял в ПЛК, сотрудничая с Карелом Тейге, Витезславом Незвалом, Владислав Ванчурой и другими участниками авангардной группы «Деветсил», см. [Čermák et al., 2012 (по ук.)].

Сотрудничество с поэтами свидетельствует о том, что формалисты стремились оказать своими теориями формирующее воздействие на публичный дискурс о литературе. В свою очередь, художественная практика формалистов — от зауми Якобсона-Алягрова до мемуарной поэмы Шкловского и даже позднейшей исторической поэмы Тынянова — представляет особую форму самоидентификации, балансирующую на грани между искусством и наукой, ср. [Гаспаров, 1990].

С одной стороны, формалисты посвящали свои работы ведущим поэтам той поры. Так, статья Тынянова «Промежуток» (1924) при публикации в книге «Архаисты и новаторы» (Л., 1929) была снабжена посвящением Пастернаку. С другой стороны, как показал Я. С. Левченко [Левченко, 2012: 68–79], посредством посвящений формалисты создавали единую систему координат для восприятия идей, выдвинутых каждым из них по отдельности. Включая в состав «Архаистов и новаторов» статьи «Литературный факт» (1924) и «О литературной эволюции» (1927), Тынянов посвящает первую Шкловскому, а вторую — Эйхенбауму. Посвящения «превращают эти программные тексты в зашифрованные послания друзьям и коллегам, в которых одна и та же проблема рассматривается с близких им точек зрения» [Там же: 70].

Интересно было бы исследовать, в какой степени практика участия в научных кружках повлияла на теоретические взгляды формалистов как исследователей сходных структурно-организационных явлений в истории русской культуры. Эйхенбаум явился автором концепций «литературного быта» и «литературной домашности». У младоформалистов излюбленным предметом изучения стали кружки. Книга М. И. Аронсона и С. А. Рейсера «Литературные кружки и салоны» (Л., 1929) вышла под редакцией и с предисловием Эйхенбаума и под грифом «Трудов семинария Б. М. Эйхенбаума по изучению литературного быта» при ГИИИ. Статья Эйхенбаума «Литературная домашность», опубликованная в его «Временнике» [Эйхенбаум, 1929: 82–86], была одновременно напечатана в качестве предисловия к этому изданию (с. 3–7). С другой стороны, Я. С. Левченко убедительно продемонстрировал, что эйхенбаумовская концепция «литературного быта» была ответом на «новый вызов литературной современности: не как писать, а как *быть писателем*» [Левченко, 2012: 175], а сама эта проблема могла быть подсказана Эйхенбауму фигурой Шкловского, ведь Шкловский, по мнению Эйхенбаума, — «не только писатель, но и особая *фигура писателя*» ([Эйхенбаум, 1929: 131]; см. также: [Pilshchikov, 2012/14]).

Для понимания формализма как сообщества принципиально не упускать из виду внутриформалистические конфликты, разногласия и кризисы. На праздновании 5-летия Московского лингвистического кружка (29 февраля 1920 года) один из его основателей — А. А. Буслаев — использовал главный политический термин того времени для определения целей МЛК: «главная задача Кружка — методологическая революция» [Якобсон, 1996: 363]. Шкловский и Тынянов описывают литературные явления в терминах борьбы (жанров, направлений и т. д.). Та же метафорика у Эйхенбаума:

Так называемый «формальный метод» образовался не в результате создания особой «методологической» системы, а в процессе борьбы за самостоятельность и конкретность литературной науки [Эйхенбаум, 1927: 116].

В текстах Якобсона обычна репрезентация филологических споров как боев и сражений, а теории «непротивления формы материалу» он противопоставлял «теорию организованного насилия поэтической формы над языком» [Якобсон, 1923: 16], переиначивая толстовские формулировки («непротивление злу насилием», «организованное насилие есть правительство»⁴), с которыми спорил Троцкий («Толстой», 1910):

В отличие от Толстого, мы говорим и учим: организованное насилие меньшинства можно разрушить только организованным восстанием большинства [Троцкий, 1926: 261].

Впрочем, в 1910-е и 1920-е годы о государстве как «организованном насилии» не писал только ленивый.

С. Н. Зенкин замечает:

Русский формализм, как и вообще культура авангарда, развивался в контакте с идеологией коммунистического государства и разделял некоторые ее ценности, однако занимал более ответственную, а потому нередко и конфликтную позицию по отношению к ее концепциям [Зенкин, 212: 308].

Хотя не вполне ясно, на каком основании исследователь сравнивает ответственность формалистов за свои ценности с (без)ответственностью коммунистического государства (resp. большевистского правительства), характерно само сравнение «формальной школы» с государством, сообщающее ей отчетливую коллективную идентичность, причем идентичность политизированную.

Одним из наиболее ярких свидетельств функционирования такой идентичности стали попытки возрождения Опояза в конце 1920-х годов, см. [Тынянов, 1977: 531–534; Галушкин, 2000], когда на внутренние противоречия формализма наложилось внешнее идеологическое давление со стороны государства. Подобно другим авангардным сообществам, формалисты попытались упрочить единство коллективных воззрений, используя стратегии «чистки» и борьбы с «уклонизмом». Такого рода утверждение коллективного мировоззрения было характерно в том числе для Якобсона, который впоследствии вспоминал:

Мы с Тыняновым, как я писал Трубецкому, «решили во что бы то ни стало восстановить Опояз и вообще начать борьбу против уклонов вроде Эйхенбаумовского, не говоря уже об эклектизме группы Жирмунского и т. д...» [Jakobson, 1979: 563].

⁴ «Рабство нашего времени» (1900).

Как мы знаем, ультимативная риторика («во что бы то ни стало» etc.) не вылилась в конкретные действия. В последующие годы борьба на литературоведческом фронте велась уже не за формализм и не вокруг формализма, а против него. Формализм сдался. А в 1960-е Шкловский еще раз подписал капитуляцию — одновременно от своего имени и от имени утраченного сообщества:

Мы виноваты в том, что на пути своем заблудились.

Будут новые сражения, и советское литературоведение овладеет сущностью искусства не до круга горизонта, а до завершения познания.

Пишу не о смертных, не о поражениях, не о боли, а о завтрашних победах молодых [Шкловский, 1966: 131].

Можно ли считать, что эти слова обращены к нам?

Библиография

- Баранкова Г. С. К истории Московского лингвистического кружка: Материалы из рукописного отдела Института русского языка // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 359–382.
- Галушкин А. «И так, ставши на костях, будем трубить сбор...»: К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1928–1930 гг. // НЛО. 2000. № 44. С. 136–153.
- Гаспаров М. Л. Научность и художественность в творчестве Тынянова // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 12–20.
- Гинзбург Л. «Чтобы сказать новое и свое, надо мыслить в избранном направлении» / Беседу вела А. Латынина // Вопросы литературы. 1978. № 4. С. 182–198.
- Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989.
- Гинзбург Л. Записные книжки; Воспоминания; Эссе. СПб., 2002.
- Жирмунский В. М. К вопросу о формальном методе // Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пг., 1923. С. 5–23.
- Зенкин С. Работы о теории. М., 2012.
- Иванов Вяч. Вс. Знаковые системы научного поведения // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1975. № 9. С. 3–9.
- Каверин В. Избранные произведения. М., 1977. Т. 2.
- Каверин В., Новиков Вл. Новое зрение: Книга о Юрии Тынянове. М., 1988.
- Левченко Я. Другая наука: русские формалисты в поисках биографии. М., 2012.
- Петровская Е. В. Нанси (Nancy) Жан-Люк // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 12–13.
- Пильщиков И. А. Наследие русской формальной школы и современная филология // Антропология культуры. М., 2015. Вып. 5. С. 319–350.

Полилова В. Полемика вокруг сборников «художественная форма» и «Ars poetica»: Б. И. Ярхо и Опояз // *Studia slavica*. X: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллин, 2011. С. 153–170.

Троцкий Л. Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 20: Культура старого мира.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Устинов Д. Формализм и младоформалисты. Статья первая: постановка проблемы // *НЛО*. 2001. № 50. С. 296–321.

Шапир М. И. М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха // *Russian Linguistics*. 1994. Vol. 18. № 1. Р. 73–113.

Шапир М. И. Московский лингвистический кружок (1915–1924) // *Российская наука на заре нового века*. М., 2001(а). С. 457–464.

Шапир М. И. Московский лингвистический кружок // *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2001(б). Стб. 591–594.

Шкловский В. Третья фабрика. М., 1926.

Шкловский В. Жили-были. М., 1966.

Шкловский В. Город нашей юности // *Воспоминания о Ю. Тынянове: Портреты и встречи*. М., 1983. С. 5–37.

Эйхенбаум Б. К вопросу о «формалистах»: (Обзор и ответ) // *Печать и революция*. 1924. № 5. С. 1–12.

Эйхенбаум Б. Теория «формального метода» [1925] // Эйхенбаум Б. *Литература: Теория; Критика; Полемика*. Л., 1927. С. 116–148.

Эйхенбаум Б. Мой современник. Л., 1929.

Якобсон Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. [Берлин], 1923.

Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок / Вступ. ст. и коммент. М. И. Шапира // *Philologica*. Т. 3. № 5/7. С. 365–368.

Якобсон Р. Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011.

Čermák P., Poeta C., Čermák J. (edd.). *Pražský lingvistický kroužek v dokumentech*. Prague, 2012.

Culler J. *Literary Theory: A Very Short Introduction*. Oxford, 1997.

Depretto C. La question du formalisme moscovite // *Revue des études slaves*. 2008. T. 79. Fasc. 1/2. Р. 87–101.

Glanc T. The Russian Formalists as a Community // *Theoretical Schools and Circles in the 20th-Century Humanities: Literary Theory, History, Philosophy*. New York; Abington, 2015. Р. 1–22.

Jakobson R. An Example of Migratory Terms and Institutional Models: (On the fiftieth anniversary of the Moscow Linguistic Circle) // Jakobson R. *Selected Writings*. The Hague, 1971. Vol. 2. Р. 527–538.

Jakobson R. Юрий Тынянов в Праге // Jakobson R. *Selected Writings*. The Hague, 1979. Vol. 5. Р. 560–568.

Pilshchikov I. From Formalism to Structuralism and Beyond: (Metatheoretical Meditations) // *Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology (AJCN)*. 2012/2014. № 7/8.

2. РУССКИЙ ФОРМАЛИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ